

СЛОВА

ИВАНОВ
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Александр Михайлович Иванов

Слова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33391901

ISBN 9785449080554

Аннотация

В книге автора проявлены разные формы жанра. Это касается не только раздела на прозу и поэзию, но и в каждом из этих разделов присутствует разнообразие форм. Что касается содержания, то оно тоже разнообразно и варьирует от лирического, духовного, сюрреального, политического до гротескного и юмористического. Каждый может выбирать блюдо по своему вкусу, поэтому могут быть и противоречивые суждения о книге, потому что вкусы, убеждения (а они у нас большей части установочные) разные.

Содержание

Предисловие	6
Проза	9
Песня	9
Поезд идет, поезд спешит	13
Оплата	16
Лестница	18
Аня	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Слова

**Александр
Михайлович Иванов**

© Александр Михайлович Иванов, 2018

ISBN 978-5-4490-8055-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иванов Александр Михайлович

Предисловие (пространное)

Писать начал поздно. Это была как бы проба пера. Знаете, как было в старину? Брала гусиное перо, зачиняли кончик его ножом, по верхней поверхности среза делали продольный разрез, затем обмакивали перо в чернила и писали по бумаге «проба пера... проба пера... проба пера». Прямо как у Ильича: «учиться, учиться и еще раз учиться». Если перо писало не важно, значит, оно было исполнено плохо, и его заменяли. (С Ильичом как-то получилось не очень.)

Первые мои экзерциции (упражнения) были робки, но интересны для меня, затем я несколько раскрепостился, окунулся в магию слов, музыки поэзии и прозы и не писать больше не смог. Это было как будто другое измерение, как будто я подключался к чему-то большему, чем я есть и окружающая меня жизнь. Это бывало иногда мучительным, когда что-то не получалось, и радостным, когда получалось что-то неожиданно большим и лучшим, чем ты ожидал.

Я занимаюсь психотерапией давно (по лицу это, наверное, видно). Раньше писали, что психотерапия – это лечение словом (К. И. Платонов), подразумевая слова, одетые в одежды интонации, модуляции, мимики и пантомимики. Они для психотерапевта рабочий инструмент, и от того, как

он им владеет, как он подпитывается интеллектом, жизненным опытом, культурой и артистизмом, будет зависеть профессионализм психотерапевта. (Как говаривал И. З. Вельвовский, «психотерапевтов много, а веселых мало».) Можно будет более общо сказать, что лечебный фактор психотерапевта – он сам, его индивидуальность, телесность, душа, то есть что он лечит собой. Как видите, выстраивается некий мостик между психотерапией и литературой. Для психотерапевта нет большего интереса, удовлетворения, чем когда при проникновении в суть вещей (М. Аврелий) появляются неожиданно для него самого новые аспекты понимания, метафоры и обороты речи. Вы улавливаете, что мы уже идем по мосту? По мосту, опоры которого идут в глубину подсознания, и вдруг устремляются в небо.

Теперь по поводу патриотизма, от этого никуда не деться. Хочется не пространно, одной строкой. Истинный патриотизм, не оголтелый, не угарный, а вдумчивый – не лакирует действительность, он видит недостатки, и от этого ему больно, потому что в стране потенциально богатой могло бы быть намного лучше, и наши люди это заслужили.

Наверное, вас интересует, чем занимаюсь, что привлекает меня. Служу (как раньше писали) психотерапевтом, основное направление – духовно-ориентированная психотерапия и классическая гипнотерапия. В свободное от этого время занимаюсь рыбалкой, грибами, огородом (надо же что-то кушать). Еще интересуюсь философией, религией, исто-

рией и литературой, на мои стихи написаны песни и романы. Это у меня первый сброс в интернет, хотя материал есть и по психотерапии, и по литературе. Не знаю, будет ли интерес и как пойдет дело дальше.

И напоследок. Вполне серьезно. Если кто-либо эту книжку прочтет и она ему покажется чем-то близкой, то спасибо ему за это, ибо на земле у меня появился еще один родственник.

А. Иванов

Проза

Песня

Рассказ

С каждым годом фронтовиков, участников Отечественной войны становится все меньше, и они в своих публичных выступлениях, воспоминаниях рассказывают о тех или иных испытаниях, геройских поступках. Насколько я помню, а я захватил своим детством войну и ближайшее послевоенное время, отец и его друзья-фронтовики при своих встречах об этом не говорили никогда. Они выпивали, при этом крепко, закусывали, беспрестанно курили и рассказывали всякие курьезные, смешные истории и громко смеялись.

Одна из встреч отца с друзьями, которая запала мне на всю жизнь, происходила в нашей квартире. Я находился в углу комнаты, занимался своими делами, отец с друзьями, все такие большие, высокие, одетые в мундиры, при погонах и орденах, видимо был какой-то праздник, сидели за длинным столом, мать моя время от времени что-то приносила и уносила. Над столом висели клубы дыма, раздавалось звяканье посуды, голоса, гомон и неожиданные, во всяком случае для меня, взрывы смеха, перемежающиеся ма-

том. И вдруг все затихло, непривычная тишина включила мое внимание, и я отчетливо услышал голос своего отца, который как-то задумчиво говорил. Я не помню дословно его рассказ, но выглядел он примерно так.

«Служил в моей роте водитель, все его звали «Туточки-тамочки», почему так, вы сейчас поймете. Разговор его был мягкий, быстрый, в речь часто вкрапчивал кубанское балаканье и ласкательные слова, типа «Вот я тамочки в полку заправился, загрузился, а туточки с вами и остался». Среди бойцов он стал быстро своим, ходил с постоянной улыбкой, был общительным и привлекал к себе внимание различными историями и байками. Иногда, если поблизости никого не было, пел негромко украинские песни и сразу замолкал, если кто-либо оказывался рядом. Я почему так подробно говорю о нем, потому что об этом мне доложил командир взвода младший лейтенант, как сейчас помню, Колбенков.

Была осень 43-го года, после Сталинграда наступил перелом, хребет немцам мы поломали, и они уже не так нахально перли вперед. Была пауза, так называемое позиционное положение, ну, вы все знаете, что это такое – ни они, ни мы не наступали и не отступали. С обеих сторон как бы наступила усталость, была передышка, наверху была какая-то подготовка, но о ней толком никто не знал.

Мы стояли с одной стороны леса, они – с другой. Между нами широкое пустое пространство. Была уже глубокая осень, мы хорошо окопались, вырыли траншеи, построили

блиндажи, видимо они сделали то же самое. Как я уже говорил, никаких активных действий с обеих сторон не было, так – время от времени постреливали, особенно если было какое-то наружное движение, если кто высовывался из окопов.

Как-то в предвечернее время я пошел на передний край позиций и увидел что-то фантастическое. Матерь Божья! На бруствере окопа без оружия стоял этот водитель, этот Туточки-Тамочки, и пел. Голос был высокий, чистый, искренний. Он стоял боком, пел по-украински, как будто рассказывал что-то сокровенное для обеих сторон. Я не знаю всей песни, но вот начало и конец запомнил: «Мисяц на нэби, зироньки сияють...» – дальше провал в памяти, и вот конец песни: «Дэж вы навчились зводить людей?»

Все застыли в каком-то благоговении, я думаю, что такое было и с той стороны. Ни одного звука, ни одного выстрела, хотя, как говорится, снять Туточки-Тамочки было как пить дать.

Когда он после пения спокойно опустился в окоп, кто-то из бойцов с придыханием произнес: «Ну ты, Маркел, даешь! Так здорово пел!» На что Маркел, махнув рукой, ответил: «А шо я? Вот батька мой спивал, – и добавил с улыбкой: – Туточки около головы пуля прошла, видно, их снайперу понравилась песня».

Отец ударил громко ладонями по столу, подпрыгнула, зазвенела посуда, и прямо так вскричал:

– Ну что мне было делать с этим сержантом? Отправить в полк на дознание? Обматерить, врезать в морду? Ни того, ни этого я не сделал. Неожиданно для себя я подошел к нему, крепко и молча обнял».

Отец замолчал, молча сидели и его друзья-фронтовики.

Поезд идет, поезд спешит

Сценарий

Жизнь наша вокзал, который постепенно перемещается в поезд, но об этом позже, покамест она вокзал. Шумный, суетливый, томящийся в долгом ожидании. Глаза упираются в киоски с разными сувенирами, в буфеты с ненастоящей пищей и напитками, поднимаются глаза – висят телевизоры с ненастоящей жизнью.

Лица, мелькают и скользят лица, погруженные в свою озабоченность и потому отчужденные. Чемоданы, сумки, портфели, чемоданы, сумки, кульки. И вдруг образовалось какое-то течение, и часть людей потоком выносит на перрон.

Здесь другая жизнь, здесь воздух, скрежет сцепляемых вагонов, стук колес на стыках и бормоглотная речь из репродукторов. В пространстве висит напряженное ожидание: «Внимание, внимание, приближается такой-то поезд!» Тела и лица растерянные, и слова как будто ненужные: «А вы это взяли? А вы это не забыли? Вы смотрите позвоните нам». Глазами в то же время отслеживают приближающийся вагон и вдруг устремляются друг к другу отчаянно, губы не сразу попадают, а могут и не попасть, но тела, древний язык, как будто сливаются друг в друге в последнем расставании.

После этого вынужденный подход к вагону и последние взгляды, запечатлевающие и впитывающие друг у друга что-

то важное и родное. Затем суетливое и неуклюжее передвижение по вагону с чемоданами, сумками в поисках мест, согласно купленным билетам. Ну вот, наконец, и нужный плацкарт, купе, какая разница, все едем в одном направлении, все там будем. Укладка вещей, усадка на места и вопрошающее изучение друг друга – «свой не свой», – когда включаются все каналы связи, о которых мы и не подозреваем.

Потом идет нахождение общих точек соприкосновения: возраст, землячество, профессия, рыбалка, дача, огород и самая главная точка, о которой не говорится и не думается – из одного места вышли, идем в одном направлении и все там будем, за горизонтом жизни. После совместной трапезы и возможного возлияния наступает принятие друг друга и узнавание. Людей обволакивает бог весть какое поле, и в душе звучит невысказанное: «Господи! Какие они замечательные люди, ну просто родные!»

А поезд идет, поезд спешит, ему нужно срочно прострочить полотно жизни. Кому-то надо выходить, и выходят, и у оставшихся как будто отрывается часть жизни, часть души.

– Вы нам пишите, звоните, мы еще встретимся, мы еще увидимся. Последние соломенные пояса надежды в море жизни.

Двое остались в купе как припаянные друг к другу сиамские близнецы. Кому-то первому надо выходить на неизвестной станции, хотят они этого или не хотят. Проросшие друг

в друга, они знают, что оставшемуся будет труднее. С болью или неожиданно отправляется в ночь один из двух. Пусто в купе, и саднит в груди сиротливость. Как вышел, оставшийся не помнит, не знает, «...и мертвые ничего не знают».

А поезд спешит, рвется сквозь бурю и снег, господи, как быстро идет поезд, застрочивает полотно жизни, и остается за поездом белый саван безмолвия. По краям савана вдруг появляются огоньки надежды, – мы еще соприкоснемся, мы еще встретимся.

Оплата

Этюд

Вошел он в свою квартиру и как будто увидел себя со стороны: седые волосы, борода и усы, выстиранные старостью до чистой белизны, согбенная фигура с вколоченной в плечи головой и походка с прилипающими к полу ногами.

На кровати полулежа, полусидя, обложенная подушками, была встроена его жена. Подушки как бы ограничивали, удерживали от расползания ее жирное тело и голову. Она смотрела телевизор, но, видимо, не понимала сути происходящего на экране. Она смотрела, как иногда смотрят телевизор кошки или собаки, отмечающие передвижение объектов.

Иногда она вздрагивала от громкого звука. Вот и сейчас, когда он хлопнул закрытой дверью, она повернулась к двери, увидела мужа и сразу начала визгливо кричать:

– А, кобель, явился! Все по бабам мотаешься, а я тут голодная, немытая мучаюсь! Ну подожди, кобель, домотаешься! Жрать давай!

Он обихаживал ее, приносил на подносе в кровать еду, и она ела ее быстро, жадно. И требовала мяса:

– Давай мяса, побольше мяса, козел!

После еды она сидела не двигаясь, взгляд ее мутный и бессмысленный куда-то был устремлен вперед. Потом она как-то пружинилась вся и пукала раз за разом, и если ей удава-

лось пукнуть как можно громче, она радовалась, смеялась, хлопала в ладоши, как будто одобряя себя.

Как-то он приблизился к ней, чтобы вытереть ей рот, и вдруг неожиданно она коснулась его руки и сказала, как ему показалось, с теплотой и любовью:

– Бедный ты, бедный.

Взгляд ее серо-голубых глаз был осмысленным и близким, как в прежние давние времена. Потом глаза ее замутнились, лицо из теплого выражения сменилось злобным, и она закричала визгливо:

– Ты мне всю жизнь испортил, козел! Уходи отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели!

Он ушел в свою комнату, вытер платком слезы, вспомнил ее теплые слова и взгляд и подумал:

– Вот тебе и оплата, ради этого можно жить.

Лестница

Эпизод

Был однажды в моей жизни эпизод, и несмотря на свою обычность, обыденность, показался мне, прочувствовался мной как что-то важное для меня и в какой-то степени таинственное.

Эпизод этот время от времени всплывал в моем сознании, я пытался его понять, осознать, конечно, и, выпренне говоря, предать его перу и бумаге, но что-то останавливало меня, тормозило. Это продолжалось до тех пор, пока события этого эпизода не сложились в какие-то звенья.

Глубокая осень, предзимник, из-за холодов топим печь на даче каждый день, иной раз и по два раза на дню. А печь как раз и подводила, не слушалась нас, нещадно дымила, и приходилось открывать окна и двери, чтобы выпустить на волю дым. Пытались договориться с печкой, затапливали ее по-разному, по-разному открывали-закрывали заслонку, дверцу, поддувало, но печка как будто играла с нами. Иной раз дня по два топилась хорошо, по чистому, а потом – раз, и валом шел дым, хоть святых выноси.

Напряглись мы умом, особенно жена, в смысле занавески копятся, стены, потолок, и выдала:

– Раньше были трубочисты, а кто такие трубочисты? Это те люди, которые чистят от сажи трубы, чтобы не дымили

печи. И, как будто играя в считалочку, заключила:

– Ты будешь трубочистом.

Я, выражаясь стилем А. П. Чехова, человек не технический, но четко увидел проблему и уверенно разработал программу с целью реализации ее. Кстати, надо заметить, что чем более я был уверен в своих действиях, тем печальнее был результат. Жена об этом знала, но в данном случае, как говорится, зеванула, слишком уж много подкоптила печка.

Итак, я нашел арматуру метра на полтора, привязал к ее концу веревку... дальше пойдут подробности технического плана, но они необходимы, как мне кажется, для понимания или непонимания последующего. Надо заметить, что наш дом двухэтажный, или одноэтажный с мансардой, это как кого устраивает, и к дому этому была еще прилеплена хозяйственная пристройка с несколько наклонной железной крышей.

Я по лестнице с арматурой на веревке поднялся на крышу этой пристройки, поднял эту же лестницу и прислонил ее к телу дымохода мансарды. Кажется, все отлично, все окей, но когда я поднялся по лестнице, я с трудом мог только пощупать, потрогать верх, выход каменного дымохода.

Я, опять выражаясь стилем А. П. Чехова, человек не технический, но сообразил и сделал наклон лестницы по отношению к дымоходу более острым, эдак градусов под пятнадцать. Поднялся несколько неуверенно по лестнице до самой верхней ступеньки, пощупал ладонями выход дымохо-

да и начал по веревке спускаться, опять же неуверенно, в жерло дымохода арматуру с целью пошуровать ею в дымоходе и тем самым сбить сажу со стен дымохода.

Я только один раз или два покрутил веревкой арматуру и тут мог бы наступить конец этой истории или мой конец, что это одно и то же. Неожиданно, я бы сказал нежданно, дымоход, вернее его верхняя часть начала как будто легко сдвигаться в мою сторону. Я бросил веревку с арматуриной в дымоход и инстинктивно двумя руками ухватился, обнял верхнюю часть дымохода. Она, эта часть, не выдержала моих объятий и медленно, плавно пошла ко мне навстречу.

Далее идет апофеоз этого эпизода. Верхняя часть дымохода плотно прикладывается мне на грудь, я не выпускаю ее из своих объятий и плавно перехожу точку неустойчивого положения, наверное, правильнее сказать становления на лестнице. Я это невесомое движение осознаю, осознаю движение с этой махиной назад и вниз и понимаю, что это катастрофа, но не возникает никакого ни страха, ни паники.

Позвольте здесь сделать абзац. Дальше было краткое отключение от действительности, но перед этим я успел сказать спокойно и негромко: «Люда». Я сейчас понимаю, что мое панорамное сознание включало нахождение моей жены где-то там внизу, но это не было ни словом о помощи, ни прощания. Наверное, это был какой-то ключ, шифр, и что-то открылось.

Осознал я себя стоящим на лестнице, верхняя часть ды-

мохода стояла на своем месте, я не испытывал никакого мышечного напряжения. Я потрогал, с некоторым усилием подвигал эту верхнюю часть дымохода, тяжелая, где-то килограммов под 60. Видимо, пересох раствор и потерялось сцепление. Посмотрел вниз, представил, как бы я с этой машиной в обнимку летел с лестницы. Сначала бы упал на крышу пристройки эдак с метров трех, каменная машина придавила бы меня сверху, потом я, скорее всего, скатился бы вниз тоже метров с трех, и что бы со мной было бы, что случилось. Видимо, Бог миловал.

Аня

Рассказ

Было это в начале декабря. Получили мы с женой льготные путевки и направились на отдых в Имеретинскую долину. Ехать пришлось на электричке под названием «Ласточка». Я говорю «пришлось», потому что электричка, вернее условия пребывания в ней были не столь комфортные и ласковые, как ее название. Шумно, суетно, тесно. Все это компенсировало наличие соседей, сидевших напротив нас, как раньше писали в русских романах *vis-a-vis*.

Это были, если уж употреблять ассоциации с французского, муж и жена нашего довоенного разлива, ну, может, старше нас с женой года на три-четыре. Муж, кстати, я забыл его представить – Богдан, принявший свою седину и возраст, – благодушно сидел молча, как будто разрешил всему быть, в том числе мимически подвижной и разговорчивой своей жене, по-домашнему назвавшейся Аней.

Мы с женой как-то прониклись доверием и симпатией к этой паре, и Аня, почувствовав это, начала разговор, вернее монолог.

Вначале она спросила нас, помним ли мы войну и, услышав, что смутно, ответила:

– А я помню, и это как будто кино, но кино узкоплечное с частями, и вот эти части, куски вставились в мою память,

и я это кино неоднократно смотрю.

Аня говорила быстро, напористо, будто кто-то возражал ей и она пыталась что-то свое доказать.

Аня, взглотив воздуха, продолжила:

– Я знала, что у нас в станице немцы, и хотя мне было лет семь, мне казалось, что они там были всегда, всю жизнь. Нас, во всяком случае нашу семью и соседей, они не трогали, дома наши находились на краю станицы, и вообще я не слыхала о каких-то зверствах немцев у нас в станице, может потому, что это была Кубань. Иногда они проезжали мимо нас на машинах, мотоциклах, что-то пели, кричали, смеялись и в своей одежде, словах казались людьми из другого мира.

Что-то необычное и страшное произошло однажды ночью, зимой. Я проснулась от какого-то наружного шума. Сквозь замерзшее окно я увидела лишь смутные фигуры и услышала какое-то пришептывание. Накинув что-то из подвернувшегося из одежды на себя, я приоткрыла наружную дверь и увидела, услышала это.

В ночных сумерках нашего двора фигурами оказались мама и тетя. Они сгрузили с саней на снег какой-то продолговатый предмет, и тетя, пошарив по нему, удовлетворенно прошептала:

– Видишь, на обуви штрипки, это румын, они всегда жирнее немцев, считай, что нам повезло.

Аня продолжала говорить почти шепотом, но так же энергично:

– Мне было любопытно, холодно и страшно, но я не могла оторваться от того, что происходило во дворе. Мама с тетей подтащили к середине двора этот предмет, и я увидела в свете луны, что это было как будто деревянное тело в не нашей одежде. Дальше началось что-то непонятное и более страшное.

Они раздели его и начали прямо на снегу поочередно распиливать труп на части одноручной пилой. Потом на треногу поставили большой котел над костром, набросали в него снега и начали вбрасывать в котел части трупа. Мне казалось, что они готовят какое-то варево, которое будут есть сами и кормить меня.

Аня на минуту остановилась, словно задохнулась от быстрого бега, и, отдышавшись, продолжала уже в полный голос:

– Последнее, что я видела, это как они из бочки, в которой хранилась зола, набрали два ведра и высыпали ее в котел. Мне было холодно, страшно, а тут еще пошел сладковатый, тошнотворный запах из булькающего котла, и я быстро убежала в дом, закрылась в кровати одеялом с головой и долго тряслась зубами и телом, пока не уснула.

Я отметил, что у Ани и сейчас мелко подрагивала нижняя челюсть.

Между тем Аня продолжила:

– Утром я проснулась на рассвете и опять просунула голову в приоткрытую дверь и увидела, что мама с тетей забавляются какой-то игрой. Каждая держала в руке деревян-

ную палочку, нижние концы их соединены шнуром. Они подошли с этими палочками к плоскому корыту и начали каждая со своей стороны опускать эти палочки внутрь корыта. Я увидела, что шнур уходил в какую-то застывшую мутную смесь. Они поднимали раз за разом палочки со шнуром, опускали их и так прошли вдоль всего корыта, потом поперек его. Это я уже потом узнала, что таким образом они нарезали кусочки мыла, которое использовали сами и обменивали его на продукты. Кстати, они заворачивали эти кусочки мыла в высушенные листья лопухов, бумаги ведь не было.

Я не выдержал и почти прокричал:

– Аня, голубушка, откуда взялся этот задеревеневший труп?

Аня посмотрела на меня широко раскрытыми глазами:

– А я точно не знала, мне же было семь лет. Я что-то слышала от взрослых, что-то припоминаю. Говорили, что за станицей был бой, наши отступили, а трупы так и остались на снегу и морозе.

В это время из динамиков вагона раздался вежливо-казенный голос:

– Вниманию пассажиров! Следующая станция Adler. Стоянка пять минут.

Аня с некоторой суетливостью сказала мужу:

– Так, Данек, быстренько собираемся, нам выходить, – и уже нам: – Господи, я же вам не все рассказала, дальше же было самое главное.

Аня встала и начала поспешно как бы диктовать нам:

– Значит так, мама откуда-то узнала, что в Туапсе в госпитале на лечении находится тяжело раненый папка, она каким-то образом добралась до этого госпиталя, устроилась санитаркой и выхаживала его, я подслушала ее разговор с тетей, что в нее влюбился главврач госпиталя, мама была красивая, и он уговаривал ее остаться в госпитале, но мама опять каким-то образом с отцом после госпиталя добралась до нашего дома, и когда я его увидела вначале, то испугалась, был это какой-то незнакомый обветшалый человек со странной деревянной култушкой вместо правой ноги, но потом я к нему привыкла и полюбила.

Поезд начал притормаживать. Аня увеличила темп речи:

– Папу немцы назначили старостой, мужиков-то не было, и неизвестно, что было бы с ним после окончания войны, когда наши начали приближаться к станции, немцы начали со дворов уводить коров, двое немцев из сарая стали выгонять нашу корову, а она была стельная, уже за воротами папка стал что-то кричать и показывать руками, они его оттолкнули, он замахнулся костылем на особо рьяного немца, и тогда тот направил на папу автомат и выстрелил, папка упал, корова с испугу побежала по улице, этот же немец дал очередь по ней, корова упала и задрыгала ногами, я все это видела своими глазами.

Аня на какое-то мгновение остановилась и скорбно произнесла:

– Папка умер, немцы убежали, – и Аня следом радостно произнесла: – А корова наша перед смертью родила теленочка.

Поезд остановился. Супруги с небольшими пожитками начали продвигаться к выходу. Аня, оборачиваясь к нам, что-то быстро и выразительно говорила, супруг ее Богдан уже на выходе повернулся к нам и с улыбкой поднял в приветствии-прощании правую руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.